

Толщина
ГРЁЗА

НЕДОСТОЙНАЯ
ЖЕНА *Травы на счастье*

Полина Грёза

Недостойная жена

«Автор»

2026

Грёза П.

Недостойная жена / П. Грёза — «Автор», 2026

Пока я лежала в больнице, мой благоверный развлекался с любовницей. А еще продал половину дома, который был оформлен на нас двоих. Естественно, без моего согласия. И вот, в дверь стучится новый сосед — одноклассник, который издевался надо мной все школьные годы. Думала, хуже быть не может. Но неожиданно он берет надо мной шефство, учит верить в себя и защищает от бывшего. А по ночам пишет кому-то нежные сообщения. Я не знаю, кто эта женщина. И не догадываюсь, что совсем скоро встречу с ней лицом к лицу

© Грёза П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Камилла	5
Глава 2. Камилла	7
Глава 3. Камилла	10
Глава 4. Камилла	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Полина Грёза

Недостойная жена

Глава 1. Камилла

Сажу на холодной металлической лавке в холле больницы и смотрю на ледяной дождь за окном. У ног — сумка с вещами, в руках — телефон. Сегодня меня выписывают.

Слегка морщусь от боли в правом боку — отголоска позавчерашней операции. Некстати воспалившийся аппендицит, будь он неладен. Вроде, ерунда, но на трое суток я начисто выпала из жизни. И теперь не понимаю, что делать.

Нервничаю. Потому что не могу дозвониться мужу. Эдик утром обещал забрать меня из больницы. Сказал, что придет в районе двенадцати, и исчез. На часах уже четырнадцать десять, а он не берет трубку. На душе тревожно. Может, случилось что?

Перебираю в памяти последние недели. Эдуард был немного отстранён, но я списывала это на усталость — выпуск нового спектакля. Даже радовалась, что могу его разгрузить: готовила отбивные, гладила рубашки, делала массаж спины, когда он жаловался на зажимы. Думала: пусть творит, пусть вдохновляется. Ведь быть женой подающего надежды режиссера это своего рода работа. А вспышки гнева и раздражение я потерплю. Всегда терпела.

Набираю еще раз. Воспаленный мозг демонстрирует картины одна другой страшнее. Инсульт, инфаркт, пожар, авария, несчастный случай... Может, он собирался меня встречать, споткнулся, упал и лежит где-нибудь в гараже с пробитой головой? И помочь ему некому... Иначе как объяснить, что голосовой помощник в двадцатый раз повторяет: «Абонент не может взять трубку. Позвоните позже».

В душе разрастается паника. Все. Не могу больше тупо сидеть и ждать. Нужно хоть что-то делать. Дрожащими пальцами открываю приложение и вызываю такси.

Ну и что, что на улице скользко и я могу упасть. В конце концов, у меня на животе не швы, а всего лишь три прокола. Слава Богу и современным технологиям. Наплевать, что сумка достаточно тяжелая, а врач запретил поднимать больше трех килограммов. И то, что на дворе февраль, а у меня с собой нет ни верхней одежды, ни зимней обуви. Скорая забрала из дома прямо в халате. Любимый муж обещал привезти сапоги и пуховик, только вот где он?

Но даже отсутствие теплой одежды не важно. Главное, чтобы Эдик не злился. Если уеду без него, скажет, что не уважаю и не доверяю самому близкому человеку. Отчитает как первоклассницу или, еще хуже, неделю разговаривать не будет. Очередной недели молчания я не выдержу...

Так что, выкручусь как-нибудь. Главное, чтобы с любимым мужем было все в порядке.

Машина приезжает через пять минут. Хватаю сумку, вскакиваю с лавки — и тут же сгибаюсь пополам. Черт! Забыла, что нельзя делать резких движений. Боль пронизывает правый бок электрическим током, на глаза непроизвольно наворачиваются слезы. Нагибаюсь, прижав ладонь к животу. Дышу, как загнанная лошадь.

— Девушка, вы в порядке? — окликает меня медсестра из приемного покоя, — Может, врача?

— Спасибо, не нужно. Все хорошо, — выдавливаю из себя, — Такси уже приехало.

Она качает головой с явным неодобрением, но все-таки отворачивается. А я, стиснув зубы, беру сумку и ковыляю к выходу. Накидываю поверх футболки махровый домашний халат — хоть какое-то подобие теплой одежды. Выгляжу, как немец зимой сорок первого, но мне все равно. Все мысли заняты Эдиком.

Толкаю дверь, выхожу на улицу. Февральский ветер бросает в лицо капли ледяного дождя, снег под ногами раскис и превратился в кашу. Вода моментально просачивается в домашние тапочки. Ноги немеют, но я упрямо пробираюсь к машине, которая стоит метрах в десяти от входа.

Водитель — мужчина лет пятидесяти, с усталым лицом выходит и распахивает багажник.

— Давайте помогу, — предлагает он, глядя на мою сумку и явно недоумевая, что за странная пассажирка в халате и тапках свалилась на его голову.

— Спасибо.

Он забирает мою ношу, а я ныряю на заднее сиденье. Если это слово, вообще, уместно в моем состоянии. Скорее, скрючившись, заползаю. Практически не дыша, баюкая ноющий бок. Водитель окидывает сочувствующим взглядом и включает обогрев.

— Адрес тот, который указан?

— Да, — киваю, плотнее кутаясь в халат.

Он жмет на газ, пристально разглядывая меня в зеркало заднего вида.

— После операции что ли?

— Ага.

— А встретить вас, я так понимаю, некому?

— Муж задерживается. Форс-мажор, — отвечаю коротко, не желая обсуждать свою жизнь с незнакомым человеком.

— Ну, да, ну, да, — кивает водитель, но в голосе явно слышится осуждение.

И я его понимаю. Разве нормальный мужик бросит жену, только что выписавшуюся из больницы?

Но Эдик же меня не бросил! У него просто что-то случилось! Я точно знаю.

Всю дорогу судорожно набираю его номер. Раз, другой, третий. Только разговаривает со мной лишь автоответчик. Мысли одна хуже другой роятся в голове. Руки дрожат, сердце колотится, как бешеное...

Наконец, авто останавливается у нашего дома. Скромного строения из красного кирпича в спальном районе. Мы взяли его в ипотеку пять лет назад.

Выхожу, благодарю водителя, забираю сумку. Такси уезжает, а я стою, глядя на освещенные окна спальни. Свет горит и в оконном проеме явно виден мужской силуэт. Значит, Эдик дома!

Облегчение накатывает теплой волной. Слава Богу, с ним все в порядке. Может, просто уснул? Или у него разрядился телефон? Ну, конечно! Он же вечно забывает поставить его на зарядку.

Толкаю тяжелую дверь. Захожу. В прихожей пахнет кофе и чем-то еще... Женским парфюмом? Дорогим, терпким, незнакомым...

Да ну, нет. Не может быть. Просто показалось.

Сбрасываю мокрые тапки, аккуратно ставлю сумку на тумбу. Боль в боку становится сильнее, но я ее игнорирую. Направляюсь в гостиную.

— Эдичек? — зову, — Ты дома?

Из спальни доносятся какие-то звуки. Скрип створок шкафа, непонятная возня...

Толкаю дверь и замираю на пороге.

Мой муж стоит посреди комнаты с большой спортивной сумкой в руках. Он складывает в нее вещи. Свои вещи. Джинсы, свитера, рубашки...

— Любимый? — недоуменно хлопаю ресницами, — Что ты делаешь?

Нехотя оборачивается. На лице нет удивления. Он не пытается оправдаться. Смотрит с раздражением и досадой.

— А, Камилла, — констатирует он, бросая в сумку спортивный костюм, — Вернулась, значит... Зря. Лучше бы ты осталась в больнице.

Глава 2. Камилла

— Я звонила тебе тысячу раз! Ты же обещал приехать и меня встретить! Знал же, что выписка сегодня!

— Извини, память дырявая. Замотался, — Эдик пожимает плечами, будто речь идет о забытом на кассе пакете молока. А не о жене, которую он не удосужился забрать из больницы после операции.

— Замотался, значит... — делаю шаг вперед, и боль в боку взрывается горячей волной. Хватаюсь за косяк, обводя взглядом живописный беспорядок в комнате, — Может объяснишь, что происходит? Почему ты собираешь вещи?

Эдуард раздраженно вздыхает, запихивая в сумку еще одну толстовку. Движения медленные, почти ленивые. Будто ему скучно.

— Господи, ну что же ты у меня такая недалекая? Хорошо. Расскажу. Только давай без истерик. Ладно, Камилл? Я... уйду.

— К-куда уходишь? — ошарашенно замираю на месте.

— От тебя уйду. И подаю на развод.

Мир вокруг начинает качаться, как при землетрясении. Стены плывут. Цепляюсь за дверной косяк, чтобы не упасть. Что такое он говорит? Может, я не расслышала? Или от боли помутился рассудок?

— Эдик, ты о чем? Какой развод? Почему? Все же нормально было...

Он, наконец, поднимает на меня глаза. Карие, холодные, равнодушные. Как у змеи или какого-нибудь ядовитого пресмыкающегося.

— У меня есть другая женщина. Она беременна. И я переезжаю к ней.

Слова выстреливают, как камни из рогатки. Тяжелые, острые, впивающиеся в грудь осколками. Смотрю на него и не узнаю. Это хладнокровное существо — мой муж? Человек, с которым я прожила целых десять лет?

— Ты... так шутишь, что ли? Отрабатываешь на мне какую-то сцену из твоего спектакля?

— Нет.

— Послушай, но это абсурд какой-то! — мой голос срывается. — Мы же... любим друг друга. И ты совсем недавно мне об этом говорил.

— Ошибаешься, Камилла, это было давно, — Эдик закатывает глаза, как будто я не человек, а назойливая муха, — Наши отношения умерли года три назад. Просто ты этого не замечала в силу своей ограниченности.

— Ограниченности?! — резко дергаюсь, и боль снова пронзает бок, — Тебе не стыдно такое говорить? Вообще-то я три дня пролежала в больнице, а ты ни разу меня не навестил!

— Был занят, — бросает он, застегивая сумку.

— Занят?! Чем?! Своей любовницей?!

— Аней, — поправляет он спокойно, — Ее зовут Анна. И да, я был с ней. Ей сейчас очень нужна поддержка. Она вынашивает моего ребенка.

Отшатываюсь, как после пощечины и чувствую — внутри что-то ломается. Окончательно. Безвозвратно.

— Ребенка, значит... — повторяю глухо, — Ты же всегда говорил, что не хочешь детей? Он язвительно усмехается.

— На самом деле я хотел. Просто не от тебя.

А вот это уже невыносимо больно. Словно удар в живот грязным кирзовым сапогом. Не знаю что ответить. Просто стою и хватаю пересохшими губами воздух.

— Ты... — выдавливаю из себя, но он перебивает.

— Послушай, Камилла. Я знаю, ты стараешься, — снисходительно произносит он, — Но ты не та женщина, о которой я мечтал. Тебе никогда не стать музой. Я — творческий человек, режиссер, меня скоро заметят, и предложат грандиозные проекты. Рядом со мной должна быть королева! А ты... всего лишь бухгалтер. В потертых джинсах и растянутом свитере. Всю жизнь считаешь чужие деньги и пилишь меня за разбросанные носки.

— Я тебя не пилю!

— Пилишь. Постоянно. Эдик, убери за собой посуду. Эдик, вынеси мусор. Эдик, разувайся у порога. Знаешь, как это достало? Женщина должна вдохновлять и дарить крылья, а не превращать жизнь в сплошной быт!

Перебариваю сказанное и не верю ушам.

— Ты серьезно? Между прочим, я работаю! Зарабатываю деньги на которые мы живем! Покупаем еду и одежду! Это я выплатила ипотеку за этот дом! А ты последние два года сидишь без гроша, потому что твои гениальные постановки никому не интересны!

Его лицо искажается гримасой гнева.

— Не смей меня оскорблять, женщина! Знаешь сколько творческих людей стали великими лишь после смерти? Эль Греко, Ван Гог, Бах! Зачем мне жена, которая не верит в мой талант? Которой материальное важнее духовного! Аня меня с полуслова понимает! А ты просто не разбираешься в высоком искусстве! Не представляешь, что значит быть творцом! Далеко не каждому дано быть на одной волне с гением! Вот Ане — дано. А ты, Камилла, в силу своей ограниченности на это не способна!

Ограниченности. Он назвал меня ограниченной.

— Ты не женщина, ты — машина, — продолжает он, явно входя в раж, — С цифрами в голове и пустотой в глазах! Ты погрязла в своих мыслях о том как приготовить борщ, и понятия не имеешь что действительно нужно поцелованному Богом мужчине! Непризнанному пока таланту! Твой удел — серая офисная масса, а не выдающийся режиссер! За десять лет семейной жизни ты даже ребенка мне не родила! Даже элементарную женскую миссию не исполнила!

От возмущения открываю рот и застываю на месте.

— Но... Это ведь ты не хотел детей! Категорически! Каждый раз, когда я заводила этот разговор, ты отмахивался. Говорил, что не время, что ты не готов, что нужно сначала чего-то в жизни добиться, а не плодить нищету... Я десять лет предохранялась, лишь потому что ты не хотел!

Он закатывает глаза.

— На самом деле я хотел. И если бы ты была хорошей женой, почувствовала бы это. Меня не нужно было спрашивать. Нужно было просто поставить перед фактом. Женщина, не предугадывающая желания мужа никчемна! И меня ты недостойна!

Стою и молча смотрю на него. С ужасом понимаю, что передо мной не тот человек, которого я любила. Передо мной холодное, циничное существо, которое я совсем не знаю. И на какие еще подлости это существо способно, остается лишь догадываться...

— Уходи, — шепчу я, — Не могу больше тебя видеть...

— Я и так ухожу, — он берет сумку, гордо шествуя мимо. Останавливается в дверях. — Ах да. Совсем забыл. Я выставил на продажу свою половину дома. Давно. Еще два месяца назад. Нам с Аней понадобятся деньги на ребенка.

— Что?! Но ты не можешь! По закону ты обязан был меня предупредить!

— Так я предупреждал, — произносит Эдик спокойно, — По почте. Заказным письмом. И не мои проблемы, что ты его не получила.

— Но... Это нечестно!

— Честно, — с торжеством в голосе заявляет любимый муж, — Все юридические формальности соблюдены, значит продать свою половину я имею полное право. Но, так и быть, дам

тебе последний шанс. Пользуясь преимуществом, ты можешь выкупить мою половину дома. Недорого. Всего за три миллиона.

— Но... У меня нет таких денег.

— Вот и славно. Потому что покупатель уже нашелся. Сегодня оформляем сделку. Так что готовься принять нового соседа. Или ищи три миллиона. Времени у тебя до шести вечера.

— Ты... Не можешь так со мной поступить...

— Могу. И поступлю. Прощай, Камилла. Надеюсь, мы цивилизованные люди и расстанемся без скандалов.

Эдуард разворачивается и уходит. Слышу, как хлопает металлическая дверь. Как его шаги гулко отдаются на крыльце.

А потом наступает тишина.

Я стою посреди спальни. Одна. В выдавшем виды халате и насквозь промокших носках. С болью в боку и пустотой в груди. Недостойная, никчемная, брошенная жена.

Медленно сползаю по стене и начинаю рыдать в голос.

Глава 3. Камилла

Сию на кухне, тупо уставившись в экран телефона. Цифры расплываются перед глазами. Банковское приложение выдает мне очередной отказ. «К сожалению, ваш доход не позволяет одобрить кредит на запрашиваемую сумму».

Пытаюсь еще раз. Уменьшаю сумму. Потом еще раз. И снова отказ.

Черт, черт, черт!

Половина дома стоит три миллиона. Зарплата — шестьдесят в месяц. Коммуналка, еда, другие текущие нужды... С голода, конечно, не умру, но чтобы выкупить долю мужа, денег не хватит. Может, поискать подработку или попросить у кого-нибудь в долг?

Нет. Это не выход. Да и обеспеченные знакомые, готовые вот так просто расстаться с тремя миллионами под неизвестные перспективы у меня отсутствуют... Где? Где я найду такие бешенные деньжищи до шести вечера?

Голова раскалывается. Бок ноет. Хочется выть.

И вообще. Что за покупателей нашел мой благоверный? Благородное семейство с тремя сорванцами мал-мала меньше? А может, табор цыган? Или старушку-сектантку к которой будут приходить такие же божьи одуванчики, и пытаться затащить в свои ряды?

Сразу вспоминаются передачи типа “Человек и закон” в которых новые соседи всеми способами превращают жизнь хозяев в ад, чтобы за копейки отжать квартиру... Страшно.

За окном уже темнеет. Я обреченно слоняюсь по дому, забыв про ужин. Эдик оставил после себя бардак, но мне все равно. Нет сил даже бульон себе сварить. Да и есть не хочется.

Пытаюсь понять, как жить дальше, но ничего путного в голову не приходит. Желание сейчас одно: просто упасть на пол и умереть. Все равно не нужна никому. Недостойная, бес-толковая, ограниченная. Не способная даже ребенка родить... А теперь еще из без половины дома, в который вложила душу.

Звонок в дверь разрывает тишину, словно взрыв. Вздвогнув, вскакиваю и, преодолевая боль, ковыляю в прихожую.

Кто это? Эдик? Одумался? Вернулся?

Сердце подскакивает куда-то к горлу. Спотыкаюсь о ступеньку — и тут же складываюсь пополам. Боль в боку жжет огнем. Господи, ну почему я все время забываю, что нельзя делать резких движений? Лечь бы сейчас и лежать спокойно, а не все это...

Звонок повторяется. Настойчивый, длинный, нетерпеливый.

Прижимая ладонь к животу, иду к двери. Заглядываю в глазок.

На крыльце стоит мужчина. Высокий, широкоплечий, в черном пуховике и джинсах. В руках — большая спортивная сумка и рюкзак. Волосы темные, коротко стриженные, правильные черты лица. Он стоит вполоборота, и я вижу его профиль. Прямой нос, упрямый подбородок, странно знакомая линия скул.

Да ну нафиг... Не может быть! В довершение ко всем моим бедам еще и это!

Распахиваю дверь, чтобы удостовериться, что мне показалось. Но, нет. Действительно он.

Леха Логинов. Мой школьный кошмар.

Если бы мне задали вопрос, с кем из прошлого я ни при каких обстоятельствах не хотела бы вновь пересечься, на первом месте было бы его имя.

Именно из-за него одиннадцать лет обучения в школе я до сих пор вспоминаю и вздрагиваю.

Этот паршивец буквально прохода мне не давал. Постоянно дергал за косички, прятал сменку, подкладывал кнопки на стул. Именно от него, находясь в школе, я все время ждала какой-нибудь гадости. Каждый день — новая подлянка. С фантазией у моего ненавистного одноклассника был полный порядок.

Логинов обожал подставлять меня на уроках. Из-за него училка английского до сих пор думает, что это я уронила классный журнал в ведро с грязной водой. Этот гад регулярно засовывал мне использованную жвачку в задний карман джинсов. И узнавала я об этом только когда начинала их гладить. Естественно, получая взбучку от мамы, что так неаккуратно отношусь к новым вещам.

А однажды подсунул в рюкзак живую крысу! Прекрасно зная, что я до обморока этих тварей боюсь. Недельку потом нормально спать не могла после этого.

А еще он придумал мне дурацкое прозвище: “Кэмэл”. В переводе с английского — верблюд. Потому, что имя Камилла звучит похоже.

Да еще и стебался потом постоянно. После открытого урока говорил, что я весь класс на своем горбу вывезла. Стоило мне гордо заявить, что мое имя не Кэмэл, а Камилла, отвечал, что не нужно так рьяно доказывать, что я не верблюд. А на тех, кто за компанию с ним дразнил меня обидным прозвищем, предлагал просто наплевать. Верблюды же далеко плюются...

В общем, благодаря Логинову надо мной ржал весь класс. Смешно было всем, кроме меня. Ревела я из-за его дурацких шуток практически каждый день.

А теперь этот школьный мучитель — мой сосед. Эй, Вселенная, что плохого я тебе сделала?

Отрицающе мотаю головой, не в силах вымолвить ни слова. А этот нахал поворачивается ко мне и улыбается во все тридцать два зуба. Широко, нагло, так, что на щеках появляются ямочки.

— О, Кэмэл! Не может быть! Какая встреча! — произносит он и гостеприимно распахивает объятия.

Шарахаюсь от него, как от прокаженного. Господи, нет! Сколько лет прошло, а он не забыл! До сих пор помнит обидное погоняло, которое сам же придумал!

Ненавижу! Ненавижу в нем все: голос, ухмылку, глаза... Серые, насмешливые, вечно стебущиеся надо мной. А теперь придется видеть все это каждый день!

Набираю в грудь воздуха, чтобы послать его по известному адресу, но понимаю, что приходящая вокруг плывет. Накатывает жуткая слабость. Ноги мгновенно становятся ватными, боль в боку распространяется на все тело. Хочу что-то произнести, но язык не слушается. Проваливаюсь в шаткое забытие и сквозь туман слышу голос ненавистного одноклассника.

— Эй, Богуславская, ты чего?

Глава 4. Камилла

Открываю глаза и понимаю, что лежу на диване в гостиной. Под ногами — подушка, на лбу — что-то холодное и мокрое. Голова раскалывается, в боку пульсирует тупая боль. Что произошло? Где я?

Пытаюсь сфокусировать взгляд, и вижу Логинова. Он сидит рядом на диване и смотрит на меня с неприкрытой тревогой. В руках — стакан с водой.

— Слава Богу, очнулась, — выдыхает он, — Ох и напугала ты меня, Богуславская. Думал, скорую вызывать.

Подслеповато моргаю. Пытаюсь сесть, но рука Логинова мягко и настойчиво опускается мне на плечо.

— Лежать! Не дергаться.

— Отвали, — хрипло выдавливаю я.

— Обязательно. Только сначала ты объяснишь, что с тобой. Настолько обрадовалась, увидев меня, что грохнулась в обморок?

— Нормально все со мной, — снова пытаюсь подняться, но боль в боку пронизывает с такой силой, что я невольно морщусь и застываю, прижав ладонь к животу.

— А вот врать, Богуславская, ты никогда не умела, — саркастически комментирует он, — А ну, признавайся, почему ты тут валяешься, белее полотна. И держишься за бок, как будто у тебя там спрятан золотой слиток?

Закрываю глаза. Не хочу ничего объяснять. Хочу забыть сегодняшний кошмарный день и все, что с ним связано.

— Только сегодня выписалась из больницы, — наконец выдавливаю я, — После удаления аппендицита. А бок болит, потому, что там проколы...

Леха молчит несколько секунд, соображая. Потом тихо матерится.

— Серьезно? И эти эскулапы вышвырнули тебя домой одну? Не убедившись, что за тобой есть кому ухаживать? Подожди, у тебя же, вроде, муж был?

Слово «муж» обжигает, как кипяток. Сжимаю кулаки с так, что на коже остаются следы ногтей.

— Был, да весь вышел...

— О как, — присвистывает он, — Давно?

— Не твое дело! — шиплю я, — Просто оставь меня в покое, Логинов. Уматывай куда подальше. Мне сейчас слишком плохо, чтобы еще с тобой ругаться.

— И рад бы, только вот некуда, — Алексей встает и отходит к окну, вглядываясь в темноту за стеклом, — Да и не собираюсь я уходить из своей только что купленной половины.

— Своей половины? — ошарашенно приподнимаюсь на локте, и боль снова простреливает бок, — Ты что?! Купил долю моего дома?

Он оборачивается, и на его лице — усмешка. Но какая-то кривая, без радости.

— Ну... да. У муженька твоего. Теперь, я так понимаю, бывшего.

Смотрю на него и не верю ушам. Ядовитая волна злости разливается по венам.

— Ты... специально что ли? Мало надо мной издевался в школе, скучно стало, решил продолжить сейчас?

— Дура ты, Богуславская! Пятнадцать лет прошло! Думаешь, мне больше делать нечего, кроме как над тобой стебаться? Тоже мне, пуп земли!

— А зачем тебе тогда мои полдома?

— Представь себе, чтобы жить!

— Хватит врать, Логинов! — шиплю разъяренной кошкой, — Я недавно в новостях про тебя читала! Ты крутой айтишник, с успешным стартапом! Ворочаешь миллиардами и не выле-

заешь из-за границы! И сейчас ты пытаешься меня убедить, что такой крутой бизнесмен позарился на долю в моей халупе?!

Он смеется. Коротко, зло.

— У тебя слегка просроченная информация, Кэмэл. Бизнес — странная штука. Сегодня есть, завтра нет. Разорился я. Стартап мой успешный отжали конкуренты. Инвесторы слились, партнер кинул, проект накрылся медным тазом. Пытался вырулить, но только залез в долги. Пришлось продать все: квартиру, машину, загородную недвижимость... Остались только ноут, одежда и немного наличных. Твой муженек предложил хорошую цену — я согласился. Дешевле ничего приличного просто не нашел. Одни руины.

— Как с такими деньжищами можно было разориться? — тупо хлопаю глазами.

— Проще, чем кажется, — он проводит рукой по волосам, и я вижу усталость на его лице, — Нужно просто довериться не тем людям. Так что теперь, Богуславская, мы с тобой соседи.

— Нет, Господи, — шепчу я, — Это невозможно. Не со мной. Не сейчас...

— Очень даже возможно. Документы сданы на регистрацию, все законно.

Закрываю лицо руками. Это просто какой-то кошмар. Я не могу с ним жить под одной крышей. После всего того, что он делал со мной в школе.

— Ну а ты, Кэмел? — спрашивает Логинов, прищурившись, — Как ты дошла до такой жизни, что пришлось продать половину дома и получить в соседи непонятно кого? А если бы это оказался не я, а какой-нибудь бухарик? Или буйный шизофреник, по которому психушка плачет?

— Не продавала я! — выкрикиваю в отчаянии, — Это все Эдик! Провернул все без моего согласия! Я, вообще, об этом три часа назад узнала!

— Прикольно, — Логинов издевательски наклоняет голову набок, — Значит, любящий муженек тебя бросил, дом продал и свалил в закат. А ты осталась тут одна. С пустым холодильником, без лекарств, в наведенном им бардаке и с дырочками в правом боку? Правильно я понимаю?

— Заткнись! — дергаюсь, чтобы встать с дивана, но от боли падаю обратно на подушки, — Хватит издеваться! Просто заткнись и не лезь не в свое дело!

— Камилла...

— Кто ты такой, чтобы лезть в мою жизнь?! — голос срывается. — Ты троллил меня целых одиннадцать лет! Да я из-за тебя школу ненавидела! Ревела ночами, понимая, что придется с тобой встретиться! А теперь ты здесь, в моем доме, и пытаешься меня жалеть?! Иди ты знаешь куда со своей жалостью!!

Логинов молчит. Смотрит на меня с каменным лицом, но в глазах реальное сочувствие.

— Я и не думал тебя жалеть, — произносит он тихо, — Просто пытаюсь понять, что произошло. Ты выглядишь так, будто тебя переехал грузовик. И в отличие от твоего благоверного, я не полный мудак. Как бы ты ко мне не относилась.

Смотрю на него. В его серые глаза, которые сейчас очень серьезны. В них нет привычной насмешки. Только какая-то странная решимость.

— Я не враг тебе, Богуславская. Можно даже сказать, что мы с тобой товарищи по несчастью. Я ведь тоже без денег оказался никому не нужен. Ни друзьям, ни коллегам, ни женщинам... И сейчас, как никто другой, тебя понимаю.

Отворачиваюсь к стене, и внутри что-то ломается окончательно. Слезы сами катятся по щекам — стыдные, горячие, обжигающие. И я не могу их остановить.

Вдвойне неприятно чувствовать себя брошенкой и обиженной. Тем более в глазах человека, который с удовольствием постебется над этим.

— Я... не хочу, чтобы ты здесь был! — всхлипываю, — Не хочу, чтобы видел меня такой!

— Какой? — Логинов садится на край дивана, и его голос становится мягче.

— Жалкой. Недалекой. Ограниченной, — выдавливаю сквозь слезы, слова Эдика. Боль в душе жжет сильнее, чем боль в боку, — Он сказал, что я недостойна его. Что я никчемная. Что даже ребенка родить не смогла за десять лет...

— Камилла...

— Он ушел к другой женщине! И она беременна! А я осталась одна! В доме, который теперь наполовину твой, — рыдаю в голос, уже не сдерживаясь, — У меня вообще ничего нет своего! Ни мужа, ни дома, ни будущего! Я просто не знаю, что теперь делать!

Логинов неодобрительно качает головой. Потом встает и уходит на кухню. Слышу, как включается вода, как гремит посуда. Возвращается с полным стаканом в руке и какими-то таблетками.

— На, — протягивает мне, — Это обезболивающее. Выпей.

Беру стакан дрожащими руками, глотаю таблетку. Вода прохладная и она успокаивает.

Леха снова садится на край дивана. Долго и задумчиво смотрит на меня.

— Послушай меня, Камилла, — произносит он наконец. — Я не знаю, что там наговорил твой бывший. Но он — идиот. Полный идиот. Если не смог разглядеть, чего ты стоишь на самом деле. То, что он вывалил от злости — его проблемы, не твои.

Всхлипываю, вытираю глаза.

— Ты просто... говоришь это, чтобы мне стало легче.

— Зачем мне это? Говорю, потому что так и есть. И, раз уж так судьба распорядилась, хочу попробовать ужиться с тобой на одной площади. Обещаю сильно не доставать, не таскать за косички и не подкладывать в сумку крыс. Идет?

Смотрю на него и чувствую, как внутри шевелится что-то теплое и странное. Может быть, это усталость. Может, отчаяние. А может, облегчение от того, что я сейчас не одна.

— Ладно, — киваю обреченно, — Только, чур, Кэмэлом больше меня не называть!

— Даже не знаю... — на его лице появляется картинная задумчивость, — Если только в обмен на пароль от Wi-Fi.

Наше вооруженное перемирие прерывает звонок в дверь.

— Богуславская Камилла Георгиевна здесь проживает? — дежурным тоном интересуется стоящий на крыльце курьер.

— Да, — отвечает открывший дверь Леха.

— Позовите, пожалуйста. Мне нужно вручить ей письмо. Лично в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.